Алекс Вестфорд

ТАЙНЫЙ БЛЭКВУД

Дела инспектора Уитмора

СМЕРТЬ НА ЗИМНЕМ АУКЦИОНЕ

КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ

Алекс Вестфорд

Смерть на зимнем аукционе

«Автор»
2026

Вестфорд А.

Смерть на зимнем аукционе / А. Вестфорд — «Автор», 2026

Март 1933 года. Заключительные зимние торги в Блэквуде обрывает выстрел. Приглашённый оценщик мёртв, а на складе уже приготовлена к отправке покупка, которой никто не совершил. Инспектор Артур Уитмор и сержант Томас Рид проверяют чужое пальто, письменное поручение и старый каталог, обещающий картине почтенное происхождение. За безупречными манерами торгового дома скрываются частные сделки и семейные обиды. Кажется, подозреваемого указывает само оружие — пока обычный гостиничный разговор не меняет порядок событий. Самостоятельное четвёртое дело серии «Тайный Блэквуд. Дела инспектора Уитмора»; в старой переписке сохраняется новый след исчезнувшей Элеоноры Вейл.

© Вестфорд А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Смерть на зимнем аукционе 5
Глава 1. Последние зимние торги 6
Глава 2. Восемнадцатый лот 12
Глава 3. Пальто без хозяина 16
Глава 4. Два одинаковых моста 20
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Алекс Вестфорд
Смерть на зимнем аукционе

Смерть на зимнем аукционе

Алекс Вестфорд

Глава 1. Последние зимние торги

Во дворе бывшей суконной биржи продавали чужое лето. Садовые стулья стояли под мартовским дождём, на мокром шезлонге лежала перевёрнутая табличка с номером. Двое носильщиков пытались протащить через ворота каменную вазу. Младший держал её снизу, старший ругался, потому что подставить ногу уже не успевал.

Рид взялся за край. Ваза наконец встала на деревянный щит. Из-под неё выкатился маленький ком земли с зелёным ростком.

— Его тоже продают? — спросил сержант.

— Если в каталоге найдёте, — ответил старший. — У нас всё по списку, даже то, чего никто не заказывал.

На крыльцо вышел мужчина с развёрнутой бумагой, сразу посмотрел на грязь у вазона.

— Боб, я просил прежде мебель в зал. Сейчас покупатели пойдут.

— А я просил прежде ворота открыть до конца, мистер Генри.

Носильщик поднял росток и бросил в вазу обратно. Молодой господин сделал вид, что не заметил; гостей уже увидел и поспешил спрятать раздражение.

— Инспектор Уитмор? Генри Хартли. Простите за двор. Мы до полудня обычно приводим всё в порядок, но сегодня, как нарочно, ещё два воза с утра.

Он пожал руки и повёл внутрь. На афише возле двери было написано: «Хартли и сын. Заключительные зимние торги. Пятница, 10 марта 1933 года». Дальше перечислялись мебель, картины, серебро и предметы из нескольких частных собраний. Имя Грейс Фенвик стояло среди других владельцев, а не занимало всю афишу.

Генри заметил, что Уитмор остановился прочесть.

— Зимние потому, что последний выпуск программы. Мы вывесили бы весенние, но тогда пришлось бы печатать всё заново. Хотя весной здесь пока не пахнет.

Внутри пахло углём, старой кожей и влажной шерстью. Узкий проход отгородили шкафами, на каждом приклеен номер. Две женщины рассматривали чайный столик; одна проверяла пальцем столешницу снизу, другая уверяла, что такое давно вышло из моды, но себе охотно взяла бы.

Генри показал контору и попросил немного подождать: бумаги подготовлены, нужно найти ключ от внутреннего ящика. Уитмор не возразил. Ждал этого осмотра не с сегодняшнего утра.

После поездки в Бристоль запрос пришёл в контору ещё в феврале. Потом получили опись вещей Фенвик, несколько копий, фамилию человека, который распоряжался оставшейся перепиской. На полезные письма эти копии не вывели. Частные бумаги разобрали лишь частично; для остальных требовалось согласовать, что можно передать полиции, а что пока оставят семье. Шестого марта наконец назначили личный осмотр трёх папок. Теперь они лежали здесь, под замком, пока через стену расставляли стулья для торгов.

Рид снял пальто, повесил на свободный крючок. Из-за перегородки появилась женщина с небольшим кожаным мешочком для жетонов.

— Не сюда, пожалуйста. Здесь вещи служащих. В гардероб отдам, потом искать не будете.

Она назвала себя Анной Мосс, взяла оба пальто, выдала жетоны. На инспекторский рукав посмотрела внимательнее: с него капало на пол. Уитмор подтянул воротник, чтобы не волочился, и получил сдержанное одобрение.

За столом в глубине сидела девушка с теми же тяжёлыми веками, что у Генри. Держала ручку над раскрытой книгой и не поднималась при каждом вошедшем. Генри подошёл, спросил о ключе. Девушка указала на его собственный карман.

— Ты туда положил, когда велел не потерять.

Он вынул связку, покраснел.

— Моя сестра Дороти. Она у нас знает, где всё лежит, и никогда не даёт забыть, почему.

— Только если меня спрашивают по три раза, — ответила девушка.

Уитмор поздоровался. Дороти назвала ящик с папками, показала ещё две коробки с книгами из того же имущества. Те предназначались для продажи. Переписку отдельно не выставляли: ждали решения владельцев бумаг, полицейский запрос оставался в силе. Девушка сказала это Генри, который уже держал пачку ценников для всего стола.

В дверь заглянул управляющий. Невысокий, плотный, с аккуратным пробором; пальцами левой руки придерживал манжету, пока застёгивал запонку на правой.

— Мистер Эверетт хочет старый каталог. Тот, который в шкафу у вашего отца. Генри, вы обещали ему ещё вчера.

— Сейчас принесу, Майлз. Мы с инспектором…

— Вижу. Я бы сам достал, но ключ у Натана.

Он представился Майлзом Кемпом. Улыбнулся гостям, предложил провести в комнату оценки, если понадобятся стол и свет, затем спохватился: там Эверетт, лучше контора. Рид спросил, много ли приехало торговцев. Управляющий ответил, что всегда меньше, чем обещают, и всегда больше, чем помещается у входа.

Дороти положила перед ним список письменных поручений на покупку. Кемп пересчитал страницы, подписал получение копии. На верхнем углу стояла сегодняшняя дата, возле некоторых предметов — суммы, до которых разрешали торговаться за отсутствующего клиента. Ни жетонов, ни людей на этом листе не было, только номера в книге покупателей и их заказы.

У дверей поднялся спор. Один посетитель хотел зарегистрироваться под названием своей лавки, девушка-помощница просила фамилию. Он повторял вывеску громче, будто всё зависело от её слуха. Дороти вышла, задала два коротких вопроса и сразу записала нужное. Посетитель успокоился, получил карандаш, не поблагодарил.

— Ей бы перед помостом сидеть, — сказал Кемп. — Никто бы цену не оспаривал.

— Она там и сидит, — ответил Генри. — Цены записывает.

Управляющий поднял руки, показывая, что не имел в виду ничего дурного. За спиной у них появился пожилой мужчина в чёрном костюме, взял у сына список, просмотрел и отдал дочери. Генри представил отца: Натан Хартли.

Натан пожал инспектору руку. На вопрос о бумагах ответил, что возражений нет, только просит не оставлять без расписки то, что заберут. Слишком много предметов уходит из этого дома на словах, а возвращается с замечанием, что всегда было по-другому. Дороти напомнила, что бумаги им не принадлежат. Отец кивнул: тем более.

О старом каталоге Эверетт спросил сам, войдя вслед за ним. Высокий, узкоплечий, с редеющими волосами, он держал раскрытый новый выпуск. На полях виднелись карандашные пометки. Не поздоровавшись сразу, показал Генри строку.

— Это осталось в печати.

— Вы сами подписали описания, Мартин.

— И теперь хочу посмотреть то, на основании чего подписал. Не пересказ, не ссылку, а книгу.

Кемп подошёл ближе.

— Она здесь. Натан сейчас даст ключ. Можно обойтись без такого тона при посетителях.

Эверетт заметил полицейских и наконец поздоровался. Сказал, что занимается оценкой картин, работает с этой продажей по приглашению фирмы. Знакомая фамилия в чужом разговоре, должно быть, показалась ему полезнее, чем продолжение ссоры: он спросил, не инспектор ли перед ним, тот самый, который расследовал дело в Эшкрофте.

Уитмор ответил утвердительно. На вопрос о нынешнем визите указал на папки. Эверетт взглянул на них, потерял интерес и снова повернулся к Хартли.

— В комнате оценки подожду. До торгов нужно решить.

— До полудня ещё час, — сказал Генри.

— Именно.

Он ушёл. Натан достал из кармана маленький ключ, отдал Кемпу. Генри провёл ладонью по лбу и предложил гостям чай, хотя на столе едва хватало места для бумаг. Инспектор попросил прежде начать с папок.

Они работали около получаса. В первой оказались счета по дому Фенвик, во второй — письма о благотворительных сборах, которым она помогала. Искомых имён не было. Некоторые листы лежали без конвертов; Дороти отметила это ещё в описи, не выбрасывала оболочки ради красивой пачки. Третью папку нужно было разобрать отдельно: личная переписка, счета и записки перемешались. Уитмор предложил вернуться после начала торгов, когда в конторе станет тише. Хартли к тому времени требовался стол для последней проверки.

Перед уходом инспектор прошёл вдоль стены с картинами. Одну поставили отдельно на низкую подставку, обтянутую потёртой тканью. На картине светлела река, над ней небольшой мост, по берегу тянулись деревья. Золотая рама казалась тяжелее самого пейзажа.

Рядом висело описание: «146. Мост на Уиллоу. Лайонел Рескотт. Из собрания мисс Г. Фенвик». Далее ссылка на торги 1901 года, лот тридцать восьмой. Имя умершей опять привело взгляд Уитмора туда, куда он ещё не собирался смотреть.

Женщина в рабочем халате поправляла край защитной ткани. При виде посетителей убрала кисть с подставки.

— Не трогайте позолоту. Здесь укрепляла, ещё не нужно проверять ногтем.

Рид отступил. Генри представил её Норой Венн, мастером по рамам. Она сразу пояснила, что не чистила живопись: занималась рамой и защитой оборота. Пусть потом не говорят, будто бралась определять возраст картины по тому, как блестит.

— Мисс Дейн уже приходила? — спросила она у Генри.

— Какая Дейн?

— Сесилия. Я говорила вчера, она хотела посмотреть.

Генри пожал плечами. Нора оставила разговор, подтянула ткань и попросила Боба Уикера перенести подставку подальше от сквозняка. Тот вошёл с младшим носильщиком; оба взялись так осторожно, будто ваза во дворе была совсем другой работой.

В приёмной снова подняли голоса. Мужчина в сером пальто требовал не вешать его вещи на общий ряд. Анна Мосс ответила, что личного шкафа для каждого посетителя у неё нет. Он посмотрел на часы, смирился и отдал пальто, достал из кармана свёрнутый лист.

— Хью Талбот, — сказал Генри вполголоса. — Приехал вчера. Всё время торопится, хотя всегда раньше начала.

Талбот услышал фамилию, обернулся, поздоровался с Кемпом, стоявшим у дверей комнаты оценки. Управляющий поднял старый том, показывая, что занят. Торговец сунул в карман пиджака отложенный лист и велел Дороти проверить его поручение.

— Семьдесят третий, мистер Талбот, я помню, — ответила она. — Суммы вы подтвердили. Если уйдёте, за вас исполнит контора.

— Я недалеко. В «Чёрном дрозде» жду звонка. Не хочу пропустить, если соединят раньше. Они должны были дать знать ещё утром.

Дороти развернула его поручение. Возле экрана Талбот собственноручно прибавил ещё одну цифру, затем зачеркнул. Девушка спросила, какая сумма остаётся окончательной. Посетитель ответил, что та, на которой сумеют купить дешевле. Дороти не улыбнулась.

— Мне нужен предел. Дешевле постараемся.

Талбот посмотрел на Кемпа, будто просил помочь объяснить очевидное. Управляющий подошёл, прочёл. Посоветовал оставить десять, если предмет действительно нужен. Торговец

подумал, кивнул. Дороти попросила подтвердить исправление рядом, не поверх старой цифры, и подала ручку.

Рид наблюдал, как трудно человеку согласиться с собственным распоряжением, когда оно перестаёт быть разговором. Талбот держал ручку слишком высоко, двумя пальцами, затем взял привычно и расписался. Спросил, не пропадёт ли задаток, если придётся уйти раньше.

— Задатка вы на экран не внесли, — ответила Дороти. — Оставили только поручение. Если не купим, за него платить не нужно.

— А если купите, пока меня нет?

— Тогда получите счёт.

Кемп сказал, что всё устроят, не стоит задерживаться из-за мелочей. Девушка подвинула к нему копию: вот мелочь, которую после будут исполнять. Он взял без спора, Талбот убрал ручку, хотя она была чужая, спохватился и вернул.

У другой стороны стола ждала пожилая женщина с вырезкой из каталога. Хотела заказать сразу три предмета, но общую сумму назвала одну. Дороти спросила, какой нужнее. Женщина ответила: все нужны, иначе бы не пришла. Пришлось объяснить, что деньги могут закончиться на первом, а два остальных тогда не достанутся.

Генри наклонился, предложил взять бумагу и потом позвонить. Сестра удержала край листа.

— Сейчас договоримся. Потом она уедет и мы каждый решим по-своему.

Посетительница наконец выбрала чайный столик, остальные вещи велела брать лишь в пределах остатка. Из кармана достала огрызок карандаша, помогла написать порядок. Когда закончила, оказалась довольна: никто не заставил её вовсе отказаться от двух желаний, просто назвали, которое первое. Генри отвёл взгляд к часам.

Натан подошёл, забрал готовые поручения. Спросил, сколько ещё людей ждёт. Дороти показала на коридор. Отец хотел велеть поторопиться, но увидел на столе исправленный предел Талбота и сам переспросил, подтверждено ли. Получил кивок, оставил их работать.

Уитмор вспомнил, как легко записывают чужой ответ так, чтобы он прежде всего помещался в нужную клетку. Здесь девушка не соглашалась на красивую неопределённость. За спиной у неё люди сердились, но позже тем же людям предстояло платить собственные деньги.

Талбот уже отступил к выставке. Кемп догнал, что-то сказал о сроках расчёта. Торговец оглянулся на контору, ответил вполголоса, и оба замолчали, заметив, что Генри зовёт управляющего. Ничего необычного в таком разговоре перед торгами не было; необычным он мог стать лишь потом, если кто-нибудь припишет ему слова, которых не слышал.

Дороти положила подтверждённую бумагу в отдельную пачку. Имя в книге оставалось прежним, семьдесят третий номер тоже. Человек мог выйти, предмет мог не продаться, а поручение продолжало лежать здесь до конца работы. Она ещё раз проверила предел, затем закрыла нижний край листа промокательной бумагой.

Талбот заметил полицейских и замолчал. Уитмор не стал спрашивать о звонке. Рид записывал адрес для повторного визита в контору, а не фамилии всех, кто раздражался у гардероба.

Эверетт вышел из комнаты оценки с раскрытым старым томом. На этот раз Генри уступил дорогу прежде, чем его попросили. Оценщик подошёл к картине, посмотрел на неё, на страницу и снова на картину. Пальцем накрыл подпись под маленькой репродукцией, потом убрал.

Кемп остановился рядом. Не говорил. Эверетт закрыл книгу и попросил снять описание со стены до разговора. Управляющий ответил, что без Натана не будет менять выставку.

— Тогда позовите его, — сказал оценщик.

Уитмор уже держал в руках шляпу. Генри торопливо заверил, что с третьей папкой помогут после обеда. Инспектор поблагодарил, договорился вернуться. У порога Рид пропустил

женщину, вошедшую с небольшим дорожным саквояжем. Она спросила, где найти Мартина Эверетта, и, получив ответ, сразу направилась к нему, не оглядывая выставленное серебро.

На улице дождь перестал. Из двора выносили пустые упаковки, кто-то звал Саймона, требовал прежде погрузить заказ для доставки. За воротами сержант посмотрел на часы и сказал, что до полудня можно успеть в управление.

Уитмор кивнул. На подоконнике снаружи забыли рабочую тряпку, под ней лежал росток из каменной вазы. Инспектор вернул его в мокрую землю и пошёл вслед за Ридом. Внутри Хартли уже расставляли последние стулья.

* * *

Ирен нашла мужа возле двух небольших пейзажей. Он ещё смотрел вслед Кемпу, но, заметив её, сразу переменил лицо. Взял саквояж, поставил у стены и спросил, почему она принесла столько вещей.

— Здесь твой шарф. Ты вчера говорил, оставил в номере, хотел забрать.

— Я говорил про другой. Серый.

Ирен открыла сумку, показала серый шарф. Мартин коснулся ткани, смутился так быстро, что это легко было пропустить. Сказал, что, должно быть, не выспался, затем снова посмотрел в сторону прохода. Она закрыла саквояж. В гостинице собиралась попросить его пройти с нею по лавкам после обеда; теперь решила не просить, пока он сам не заговорит о дне.

У стены стояли люди, которых она не знала. Мужчины приходили здороваться с Мартином и ждали, когда он назовёт их ей. Он иногда забывал. Ирен научилась угадывать, кто уже знаком с ним, а кто хочет познакомиться, по тому, на каком расстоянии останавливались. Тот, кто сомневался, сначала рассматривал ближайший предмет, будто ради него и подошёл.

Так поступил молодой человек с новым каталогом. Спросил о пейзаже, которого Мартин почти не видел, и оценщик заставил его подождать, достал очки, посмотрел. Сказал, что здесь нет нужды платить за звучное определение, вещь неплоха и без него. Молодой человек обрадовался, начал объяснять, кому хочет подарить. Мартин выслушал с настоящим вниманием, посоветовал прежде узнать размеры комнаты. Когда тот ушёл, Ирен почувствовала прежнюю гордость: муж умел сказать человеку то, чего не говорил продавец.

Потом Мартин взял у неё перчатки, решил, что это его, рассмеялся и отдал обратно. Попросил не сердиться, если обед задержится. Ему нужно завершить один расчёт.

— Хартли обещал? — спросила Ирен.

— Мне здесь должны не только Хартли.

Он ответил тише. Ирен хотела спросить, поступили ли деньги на их домашний счёт: обещала заплатить портнихе, прежде чем уедут. Муж поморщился, не дал договорить.

— Сегодня получу и разберёмся. Не здесь же об этом.

Она оглянулась. Никто не слушал. Натан позвал сына, за спиной передвигали стулья, кто-то громко объяснял, почему часы идут лишь тогда, когда висят ровно. И всё же Ирен стало стыдно, словно действительно заговорила о неприличном. Убрала перчатки в карман, сказала, что подождёт.

Мартин потянулся за её рукой, на секунду сжал пальцы. Спросил, не замёрзла ли по дороге. Она ответила, что нет, хотя замёрзла, и оба сделали вид, будто маленькая ссора закончилась. Он велел взять место в зале, обещал найти после работы. Саквояж отнесли к Анне: Ирен не хотела держать его под ногами весь день.

Она выбрала задний ряд. Отсюда было видно помост и часть прохода, но муж уже скрылся за дверью. Хотелось встать и сказать про портниху ещё раз, только без прежнего упрёка. Ирен осталась сидеть. Если пойдёт следом сейчас, Мартин скажет, что она не позволяет ему работать.

Мимо прошла пожилая покупательница с вырезкой, нашла место рядом, стала рассказывать про столик. Ирен слушала, сначала из вежливости, затем с облегчением. Здесь от неё

не требовалось решить, как спросить собственных денег. Достаточно было согласиться, что в маленькой комнате лишний угол очень мешает.

Глава 2. Восемнадцатый лот

К полудню Дороти Хартли уже испачкала манжету. Чернильное пятно появилось, когда отец повернулся к покупателю и задел её руку. Он не заметил; дочь перевернула промокательную бумагу, продолжила запись. Первые предметы ушли быстро. Натан умел продать пару не подходивших друг к другу подсвечников так, что новый владелец начинал защищать их родство ещё прежде, чем получал счёт.

Генри стоял у края помоста, помогал показывать вещи. Каждый раз, возвращаясь к столу, спрашивал сестру о нужном номере, хотя список лежал перед ним. Дороти отвечала коротко. Не собиралась сегодня опять выучить за него всю книгу.

Восемнадцатым был каминный экран с вышитой птицей. Старший носильщик развернул его, отступил, придерживая ножку. Одна планка немного отходила, но птица на ткани держалась гордо, выгнув шею над болотом, которого Дороти никогда не видела такого чистого.

На экран оставили письменное поручение. Дороти показала отцу предельную сумму. Он принял две ставки из зала, затем назвал десять гиней от конторы. В книге возле номера покупателя семьдесят три уже стояла эта сумма, рядом девушка поставила короткую отметку о сделанном предложении.

Натан поднял молоток и посмотрел поверх очков, ожидая, не появится ли новая рука.

Удар раздался сбоку, за стеной. Сухой, сильный, совсем не похожий на деревянный стук по помосту. Дороти подскочила, ручка оставила на бумаге длинную царапину. Молоток оставался в поднятой руке отца.

Кто-то в заднем ряду засмеялся слишком громко. Другой сказал, что уронили ящик. Боб Уикер поставил экран на пол, побежал к боковой двери. Из прохода донёсся женский крик:

— Позовите врача! Сюда!

Дороти встала, опрокинув стул. В зале уже двигались к дверям. Натан велел не толпиться, но говорил тем же голосом, которым только что приглашал прибавить цену, и люди слушались хуже. Генри перепрыгнул с помоста, задел угол экрана и остановился, чтобы тот не упал.

В проходе стояла Нора Венн. Лицо у неё стало серым, на пальцах виднелось что-то тёмное. Она прижимала руки к халату и повторяла: врача, не носильщика, врача.

Из зала вышла женщина, которая утром спрашивала об Эверетте. Попыталась пройти между Норой и Уикером. Тот преградил дорогу, не взявшись за неё.

— Мартин там? — спросила она.

Нора опустила глаза. Этого оказалось достаточно. Женщина перестала пытаться протиснуться, опёрлась ладонью о стену. Дороти подставила ей стул из конторы. Только потом заметила, что сама всё ещё держит ручку.

Прайс был у ворот двора, когда выбежал мальчик из железной лавки. Услышал про выстрел, отослал за доктором, вошёл через парадную дверь. Ему пришлось поднять голос, пока дали пройти; несколько человек хотели рассказать одновременно, кто где стоял. Констебль потребовал освободить проход и никого не пускать к комнате оценки.

Мартин Эверетт лежал возле стола. Одна рука подогнулась, другая оказалась под раскрытым каталогом, упавшим на пол. Окно во двор было закрыто, нижняя створка запотела изнутри. Рядом стоял стул, чуть повёрнутый спинкой к двери. Прайс наклонился, увидел кровь на спине, не стал переворачивать человека один. Позвал Уикера держать дверь, сам проверил, не требуется ли немедленная помощь. Ответа от Эверетта не получил.

Врач пришёл почти следом. Саймон Фенвик принёс сумку и пальто на руке, надеть как следует не успел. Нору оттеснили к окну коридора, она повторила, что вошла за бумагой, увидела на полу, дотронулась — хотела поднять. Не знала, что делать дальше.

Пока доктор занимался лежащим, Прайс вышел к выдаче. Потребовал остановить вывоз, взял у столика чистый фирменный бланк и на обороте написал распоряжение: после происшествия ничего не выпускать до осмотра полицией. Подписал, передал Кемпу. Управляющий кивнул, прижал лист к другой бумаге, пошёл закрывать ворота. Констебль вернулся к проходу и велел позвать ещё людей из управления.

Уитмор и Рид подошли, когда Прайс отправлял за ними второго человека. Из управления шли в сторону «Чёрного дрозда», собирались пообедать. К оставленным в конторе письмам инспектор намеревался вернуться позже. Теперь в дверях стоял один из служащих, не выпускал посетителей, сам не понимая, вправе ли удерживать всех подряд.

— Не запирайте людей в зале, — сказал Уитмор. — Запишите имена и адреса. Кто видел или слышал, пусть подождёт отдельно. Кто уходит — тоже запишите.

Рид показал Прайсу, где поставить стол, чтобы перестать ловить людей по одному в узком проходе. Генри принёс бумагу, Дороти отдала ему свою книгу покупателей для проверки фамилий. Натан хотел начать объяснение о порядке торгов, но инспектор уже спросил о пострадавшем.

Фенвик вышел из комнаты и тихо сказал, что Эверетт мёртв. Огнестрельное ранение, для дальнейшего заключения потребуется исследование. Не давал времени смерти с точностью до минуты; обстоятельства они узнают у тех, кто слышал удар.

— Одно ранение на спине, — добавил он. — Не нужно пока расстёгивать на нём всё по очереди. Я сделал, что требовалось. Положения вещей вокруг, кроме необходимого, не меняли.

Уитмор вошёл с Прайсом. На столе лежал старый аукционный каталог, раскрытый возле иллюстрации, новый выпуск упал вместе с Эвереттом. У врача руки ещё были заняты, поэтому инспектор сначала описал то, что видно, и попросил прислать из города людей для работы с предметами. Сам не стал вытаскивать книгу из-под покойного ради удобства чтения.

На стене, в деревянной панели, виднелось небольшое повреждение. По краю светлели свежие щепки. Прайс отметил место карандашом на схеме, не полез ножом. Оружия на открытом полу и столе не было. Констебль осмотрел видимое возле кресла, у окна, под краем стола, не начиная обыск так, чтобы потом невозможно было восстановить положение мелочей.

Дверь открывалась в общий проход. Замок имелся, ключ торчал изнутри, но дверь при обнаружении была приоткрыта. Нора не говорила, будто пришлось отпирать. Тайной запертой комнаты из этого не получалось.

Уитмор спросил Прайса, кто успел войти. Нора, Уикер, он сам, доктор. Жену не пустили, она пока оставалась в конторе с Дороти. Остальных отогнали из прохода. Кемпа констебль встретил возле склада выдачи; тот помогал закрывать наружные ворота, затем подошёл.

— Он говорит, ничего не знает. Был занят продажей и выдачей.

— Пусть назовёт, где именно. По отдельности с остальными.

Прайс кивнул. Из зала донеслось требование вернуть чьё-то пальто, потом голос Мосс: «Отдам, как только проверят. Сначала жетон найдите». Обычный маленький спор удерживал людей в настоящем лучше приказа не волноваться.

В конторе Ирен Эверетт сидела прямо, обеими руками держа сумку на коленях. Представилась сразу, как будто это единственное, что могла пока выполнить правильно. Уитмор сказал о смерти. Она не вскрикнула. Спросила, уверен ли доктор, что уже нельзя помочь, и только после ответа отвернулась к стене.

Дороти предложила воды. Ирен приняла стакан, не отпила.

— Я с ним говорила перед началом. Он велел подождать в зале, ему нужно закончить. Собирались вместе пообедать. У меня здесь вещи… Где мне теперь их оставить?

Инспектор ответил о вещах, не заставляя её сначала спросить что-нибудь более подходящее. Саквояж находился у Анны Мосс. Ирен приехала из гостиницы, хотела забрать мужа

после утренней работы. Её оставят там, где она сейчас живёт, если сама согласна. Прайс поможет связаться с нужными людьми.

— Он с кем-нибудь ссорился утром? — спросила она.

Уитмор сказал, что выясняют. Женщина посмотрела на Дороти, затем на дверь. Девушка догадалась выйти раньше просьбы.

— Он боялся, что описание картины выйдет ему боком. Я не знаю, как лучше вам объяснить. Он не всегда проверял всё сам. Иногда торопился, доверял чужим бумажкам. Но это не значит, что он…

Она не закончила. Вода дрогнула у края стакана. Уитмор помог поставить его на стол, не стал тут же дополнять её слова обвинением или оправданием.

Спросил, оставались ли у мужа письма по этой работе. Ирен кивнула: часть в гостинице, часть с собой. Согласилась показать позднее, попросила сначала увидеть его. Инспектор передал просьбу врачу, предупредил, что рядом будет человек и нельзя трогать оставшиеся предметы. Это прозвучало холоднее, чем ему хотелось. Ирен сказала, что поняла.

Прежде чем позвать девушку обратно к книге, пришлось освободить контору. Там всё ещё стояли два покупателя, явившиеся утром обсуждать доставку. Один не понимал, почему нельзя просто закончить их дело, раз ничего из комнаты оценки ему не требуется. Дороти ответила, что сейчас не может. Мужчина показал часы.

Она тоже посмотрела на циферблат. Через несколько минут полагалось решать, успеют ли до обеда на почту. Эта мысль пришла с такой настойчивостью, что Дороти разозлилась на себя. В соседней комнате лежал человек, а она продолжала считать рабочие минуты, которых уже никто не собирался ей возвращать.

Покупатель начал объяснять заново. Девушка не дала закончить: сказала слишком громко, что сегодня он подождёт. Тот отступил, задел стул, его спутник поднял ладонь. Дороти увидела, как они посмотрели друг на друга. Теперь будут рассказывать, что у Хартли дочь совершенно потеряла голову.

Натан подошёл на голоса. Она ожидала замечания, уже готовилась отвечать, но отец попросил посетителей оставить адреса. Обещал, что им напишут о выдаче, и проводил до зала. Когда вернулся, долго искал, куда положил очки. Они были у него на лбу.

Дороти показала. Он снял их, не надев.

— Ты можешь пока не говорить со всеми, — сказал Натан.

— А кто будет?

Он посмотрел на дверь. Генри стоял там с листами для записи фамилий, не знал, требуются ли инициалы каждого, если приехала целая семья. Дороти показала ему отдельную графу. Брат спросил ещё, она начала отвечать быстрее, потом остановилась: он действительно не понимал, а не пытался оставить работу ей.

— Спрашивай, где их найдут, — сказала она. — Если один адрес, напиши один. И кто был вместе. Не гадай сам.

Генри кивнул. Ушёл, на этот раз не оглядываясь за подтверждением. Дороти убрала со стола чашки. Одну поставила на бумаги и тут же подняла: дно было мокрым. Взяла тряпку, начала вытирать стол, хотя испачкала не его. Руки требовали простой работы, где можно было увидеть результат сразу.

В дверях появилась Нора. Попросила воды, чтобы смыть с пальцев кровь. Дороти повела к умывальнику, поставила таз. Мастер тёрла ладони, не могла попасть под тонкую струю, и девушка молча подвинула кувшин ближе. Нора сказала, что испачкала край полотенца. Дороти ответила, что полотенце отдадут отдельно, найдёт другое.

— Я больше ничего не трогала, — произнесла мастер.

— Я не спрашиваю.

— Вы так смотрите.

Дороти отвела глаза. Ей казалось, она следит за кувшином, чтобы не опрокинулся. Нора вытерла руки, сложила полотенце грязной стороной внутрь, не зная, можно ли оставить здесь. Девушка показала на пустой таз. До этого дня она не представляла, как много маленьких разрешений потребуется в доме, где все только что свободно занимались своим делом.

Когда Нора ушла, Дороти поставила кувшин, посмотрела на чернильную манжету и почему-то попыталась стереть пятно сухим пальцем. На краю ткани осталось то же самое. Из зала позвали по имени. Она ответила не сразу, чтобы голос не сорвался, затем пошла туда, где лежала открытая книга.

Дороти ждали в маленьком помещении у помоста. Она стояла над своей записью, рядом лежал непроданный экран. Генри поднял было его обратно, но сестра велела оставить. Молоток отца всё ещё находился на столе.

— Вы записали, на каком предмете остановились? — спросил Рид.

Она показала восемнадцатый номер, покупателя и десять гиней, затем прочерченную поперёк отметку. Сумму предложили, отец ещё ждал следующую ставку. Завершить продажу не успел. Дороти не стала заполнять итог из удобства, поскольку уже всё равно остановились.

— А прежде? — спросил сержант.

— Семнадцатый ушёл. Восемнадцатый нет. Если людям теперь раздадут вещи по начатым строкам, будет весело.

Она вдруг сердито прижала ладонь ко рту.

— Простите. Не весело. Я не то сказала.

Рид ответил, что понял. Спросил, кто находился у стола, кто выходил в проход. Дороти назвала тех, кого видела, но Кемпа за последние минуты уверенно поместить не могла. До начала он брал копии поручений, потом то приходил, то уходил. Работал рядом, и взгляд не отмечал его каждый раз, как не отмечает чашку, которую ставят на обычное место.

Натан подтвердил порядок с экраном. Сослался на дочь: она пишет, он продаёт, но в этом случае оба помнят, что ударить молотком не успел. Попросил не отправлять его домой. Вещи чужие, люди взволнованы, Генри одному не справиться.

Уитмор не возражал. Объяснил, что торги сегодня продолжать нельзя, вывоз из помещений пока остановлен. Натан кивнул, пошёл к двери, вернулся за очками. Дочь подала их молча.

Во дворе Рид застал Уикера возле открытых упаковок. Один воз уже ждал, возница сердился. Кемп держал несколько накладных, собирался объяснить, какие вещи никак не связаны с комнатой оценки. Сержант попросил положить бумаги на сухое место и никого не отпускать с товаром до перечня.

— Вы же не собираетесь здесь всё перевернуть, — сказал управляющий.

— Собираюсь сначала записать, что уже собирались увезти.

Кемп передал листы. Уикер убрал со стены пустой ящик, открыл проход к складу. На верхнем ярлыке аккуратной рукой было выведено несколько цифр. Рид пока не стал толковать их с крыльца: взял карандаш, попросил принести книгу выдачи и позвать того, кто упаковывал после начала торгов.

Глава 3. Пальто без хозяина

Рид сперва освободил место для записи. На складе сухим оставался узкий столик у окна; всё остальное занимали упаковки, одеяла и вещи, которые ещё не показали покупателям. Боб Уикер снял с табурета два куска верёвки, сам остался стоять. Садился он, по-видимому, только дома, когда никто уже не мог поручить ещё что-нибудь.

Возницу отпустили без товара. Тот долго доказывал, что зря простоял час и ему всё равно заплатят. Уикер не спорил, дал имя человека, которому следует передать счёт, затем закрыл створку ворот. От помещения к улице тянуло холодом.

Кемп положил бумаги на столик. Перечислил то, что собирались увезти: покупки с прошлых торгов, заранее согласованные частные выдачи, пустую тару. Не всё в здании относилось к сегодняшнему каталогу. Рид разделил списки и попросил объяснить каждую упаковку отдельно.

К небольшой закрытой коробке привязали картонную бирку с наклеенным фирменным бланком. Бумага держалась верхней полосой, нижний угол чуть отставал от основы; оборот был обращён к картону. На лицевой стороне стояло: «18. Покупатель 73. 10 гиней». Ниже отпечатан штамп «Оплачено». Рядом инициалы, выполненные быстро и с нажимом. Сержант остановил карандаш.

— Восемнадцатый экран?

— Экран, — подтвердил управляющий.

— В зале остался.

— Разумеется. Не успели убрать. Можете спросить у Уикера, что там.

Рид спросил не только Уикера. Прежде показал Кемпу цифры и напомнил, что продажа оборвалась до удара молотка. В книге Дороти начатая строка перечёркнута. Почему тогда оплата уже отмечена?

Управляющий нахмурился.

— Могли оформить наперёд. На него было поручение. Мистер Талбот оставил предел, мы собирались исполнить. Дороти вам покажет.

— Сумму получили?

— Я сейчас не могу по памяти разобрать каждую кассовую мелочь. Квитанция будет у счётного стола.

— Кто оформлял эту выдачу?

Кемп посмотрел на инициалы.

— Пометка моя. Я готовил. Но ярлыки мы иногда выписываем раньше, чем всё сложено.

Рид записал. Попросил пока не трогать коробку, позвал Прайса. При нём управляющий и Уикер показали, как закрывали; верёвку развязали, не разрезая. Сверху лежала мятая защитная ткань, под ней серое пальто. Экрана не было, не осталось и места, где он мог бы лежать. Сам ящик подходил для небольшой вещи, упакованной отдельно от своего деревянного основания.

— Это мистера Талбота, — сказал Кемп. — Он просил положить с покупкой. Уезжать собирался.

Уикер повернул голову, но ничего не добавил. Рид попросил управляющего отойти на шаг и показал констеблю порядок дальнейшего осмотра. Пальто вынули вместе с тканью, положили на чистую бумагу. Из тяжёлого внутреннего кармана не стали ничего вытряхивать. Уже снаружи было ясно, что там лежит предмет, оттягивающий подкладку.

Прайс осторожно проверил, затем позвал инспектора. Уитмор пришёл из комнаты оценки, выслушал, посмотрел на ярлык. Оружие сохранили отдельно, не передавая управляющему и не предлагая никому показать, умеет ли обращаться. Это был револьвер. Что именно из

него стреляли в Эверетта, на складе не объявили. Предстояло проверить его состояние, номер и сопоставить с найденным при исследовании места.

Кемп смотрел на пальто. Уверенность человека, который принёс обычные бумаги о выдаче, сменилась осторожностью.

— Я не знал, что у него там. Я не проверяю карманы покупателей.

— Когда пальто принесли на склад? — спросил Уитмор.

— После происшествия. То есть оно уже было здесь, я только велел убрать в коробку, чтобы не мешало. Уикер покажет.

Боб ответил, что увидел его у управляющего после прихода Прайса. Сам вышел из прохода, где держал дверь, пошёл закрывать выезд. Кемп был возле столика, с пальто на сгибе руки. Велел положить в подготовленную тару для Талбота, ярлык дал сам. Ящик не уехал, поскольку Прайс уже запретил вывоз.

— Пальто в коробку вы сложили?

— Я. Карманы не выворачивал. Мистер Кемп сказал, покупатель попросил. Я с покупателем не разговаривал.

Прайс записал ответ прежде, чем спросить о других носильщиках. Саймон Бриггс был на доставке, уехал с заказом ещё до выстрела. Адрес имелся в книге; за ним уже послали, велели возвращаться и ничего больше по пути не брать. Уикер отдельно сообщил, что парень утром бегал за пальто. Чьим и по какому поручению, пусть лучше сам расскажет.

Кемп не отрицал, что вызывал Бриггса.

— Талбот попросил принести вещи. Я и отправил. Он хотел свой каталог, кажется. Потом получил пальто.

— Вы лично отдали?

— Да. В проходе, перед началом. Не понимаю, при чём здесь я, если он потом вернул на выдачу.

— А кто видел возвращение?

Управляющий открыл рот и замолчал. Сказал, что с утра ходит столько людей, он не запоминал каждого у складской двери. Однако просьбу покупателя положить с вещами помнит. Рид отметил, что на первый вопрос ответ был увереннее второго. Не стал объяснять этого собеседнику вслух.

Анну Мосс пригласили на склад, но пальто не дали в руки. Она узнала владельца: Хью Талбот, тот, который требовал отдельный шкаф. На подкладке видела нашитые инициалы; вдобавок серое пальто с широким тёмным воротником здесь сегодня было одно. Жетон к нему оставался на крючке после выдачи по рабочему поручению, отдельная записка лежала возле гардеробной книги.

Рид попросил принести записку. Не подсказывал инициалы или цену. Анна вернулась с небольшим листком, на нём: «Пальто м-ра Талбота. Кемпу», внизу имя Саймона. Мосс сама попросила парня написать, кому передаёт, чтобы не искать потом чужую вещь по всему двору.

— Владелец жетон принёс?

— Нет. Это служебное поручение. Мистер Кемп здесь распоряжается. Если каждого заставлять сперва самому к покупателю идти, какой толк от носильщика?

— В котором часу?

Она вспомнила, что торги уже начались. Из зала доносились голос Натана и смех у передних рядов. Называть минуту не стала. Дороти ещё перед началом попросила принести ей сухую тряпку для стола; Мосс выполнила, вернулась, затем пришёл парень за пальто. Стакан с водой на помосте успели поставить, первые вещи уже показывали.

Уитмор спросил, не вернулся ли Талбот после этого. К гардеробу не подходил. Пальто обратно Анна не принимала. Если затем отправил на склад, это происходило без неё.

Управляющий отвернулся к окну.

— Я мог перепутать, начались торги или ещё готовились. Но пальто отдал ему. Оружия не видел.

Рид сложил записку отдельно от накладной. Поиски предмета уже привели к людям, однако он не торопился сделать чьё-то обычное поручение соучастием. Анна выдала вещь служащему, Уикер упаковал по распоряжению. Пока оба могли просто выполнять работу.

Талбота нашли у ворот. Он вернулся, когда узнал об остановке торгов, теперь спорил с Генри о том, можно ли хотя бы забрать своё. Пальто требовал первым. Приглашение в контору воспринял как способ наконец решить вопрос без очереди.

Сел, поправил манжеты. Уитмор спросил, принадлежит ли ему серое пальто, получил немедленное «да». Спросил о револьвере. Торговец отвёл взгляд.

— Не понимаю. Здесь оружия не выставляли.

— Я не спрашиваю о выставке.

— Мой в гостинице. Есть свидетельство. Если нужно, покажу, всё законно.

Прайс записал фамилию, домашний адрес и сведения, которые Талбот назвал об оружии. Не объявил существование свидетельства оправданием всего, что могло произойти после выхода из гостиницы. Инспектор сообщил, где нашли револьвер, и попросил объяснить.

Талбот долго молчал. Затем снял очки, хотя минуту назад уверял, что ему не требуется читать никакую бумагу.

— Я принёс его с собой. Утром. В пальто. Да. Не хотел говорить перед всеми. Если думаете, что я стрелял…

— Мы спрашиваем, где была ваша вещь.

Он сказал, что оставил пальто в гардеробе, вынул только поручение на покупки. Оружие лежало во внутреннем кармане. Не доставал, никому в этот день не передавал. О наличии Кемп мог знать: раньше общались, однажды разговорились о поездках с товаром. Кто ещё слышал, точно не помнит.

— Вы просили управляющего принести пальто?

— Нет.

— Просили взять каталог из кармана?

— Нет. Новый у меня был с собой. Старый зачем мне в пальто? Я его сегодня вообще не держал.

На столе лежала запись Кемпа, но Уитмор не дал её торговцу для согласования. Спросил, куда тот уходил после оставления вещей. В гостиницу, ждал звонка. Голос у Талбота стал суше; он явно предпочёл бы говорить о кармане, а не о том, кому звонил.

— Когда вернулись?

— После того, как сказали, здесь беда.

— С кем были, когда узнали?

Он назвал миссис Фелл. Дальше, о звонке, предложил объясниться без констебля. Уитмор ответил, что Прайс ведёт запись; личное, не относящееся к делу, без причины оглашать не будут. Талбот всё же замялся. Наконец сказал, что ждал подтверждения денежного перевода и разговора с конторой в Лондоне. До выяснения у него не было средств на все намеченные покупки. От этого чувствовал себя перед Хартли почти нищим, хотя вчера давал распоряжения уверенно и громко.

— Кемп знал?

— Знал, что платёж задерживается. Сказал, если поручение оставлено, можно пока не суетиться. Разумеется, ему не требовалось рассказывать это каждому.

Инспектор попросил назвать контору и человека, с которым говорил, разрешить проверку самого разговора. Не содержание всех сделок, а время и то, находился ли там Талбот. Тот согласился, сразу уточнил, не станет ли полиция причиной окончательного отказа в переводе. Уитмор ничего подобного обещать не мог.

Прайс вышел к телефону. Рид остался с торговцем, уточнил последний разговор с Эвереттом. Талбот признал, что накануне спорили: оценщик намекал на чрезмерную уверенность в происхождении некоторых вещей. Сам Талбот считал, что Эверетт изображает учёного, когда ему полезно, и закрывает глаза на сомнения, если хорошо платят. Вражды, по его словам, не было. Раздражение было.

— На картину под сто сорок шестым собирались торговаться?

— Если дадут подтверждение. Поэтому и перевод ждал. Но сначала хотел увидеть старый каталог. Мне его всё не несли, а потом сам Эверетт забрал.

Рид записал и это. Покупатель мог иметь причины спорить о цене и имени мастера, мог владеть оружием, мог солгать о кармане. Всё это не объясняло, почему пальто, которое другой человек взял во время торгов, после выстрела упаковал тот же человек. Сержант попросил Талбота пока оставаться в Блэквуде и сообщил, где можно получить копию перечня сохранённых вещей. Пальто не вернули.

Натан Хартли встретил инспектора возле помоста. Посетителей стало меньше, зал приобрёл нелепый вид после представления, которое никто не закончил. Экран всё ещё стоял боком. Чужая перчатка лежала на стуле, и Натан носил её из ряда в ряд, не находя хозяина.

— У него действительно было оружие? — спросил он.

Уитмор ответил лишь, что оружие нашли и проверяют. Не стал объявлять владельца стрелком. Попросил сохранить всю запись торгов, поручения и кассовую книгу; спорную выдачу не исправлять задним числом, даже если Генри назовёт её ошибкой.

— Он назовёт, — сказал Натан. — Он половину исправлений хочет делать прежде, чем выяснит, в чём ошибся.

— Кто здесь обычно оформляет выдачу?

— Дороти считает, кассир принимает, Кемп направляет на склад. Иногда он сам оформляет, если людей мало. Я на помосте не вижу каждую квитанцию.

Кассирская книга по восемнадцатому денег не содержала. Из-за остановки к этому лоту ещё не приступали. Под письменным поручением Талбота стояла предельная сумма десять гиней; она существовала до торгов, не означала, что покупка состоялась. Рид получил копию, показал инспектору в конторе. На ярлыке ящика та же сумма вдруг стала оплаченной продажей.

Уитмор попросил пригласить Дороти, узнать, видел ли кто-нибудь её подпись на отдельной квитанции. Девушка пришла, прочла и сразу покачала головой.

— Не моя. Я счёт на этот экран не писала. И не стану, пока вы не разберётесь. Хоть отец пусть просит.

Она не выглядела испуганной за фирму так, как её брат. Больше сердилась, что работу можно превратить в чужую версию одним словом. Уитмор попросил оставить рядом и начатую строку, и перечёркнутый итог. Дороти взяла свою книгу обеими руками и сказала, что принесёт сама, не через Генри.

Когда вышли во двор, за Бриггсом ещё не вернулись. Кемп ушёл в маленькую служебную комнату, ждал следующего разговора. Рид записал его нынешнее место, передал Прайсу две фамилии для проверки. Инспектор остановился под навесом. До старых писем сегодня так и не добрались, но третью папку теперь следовало закрыть так, чтобы никто из помощников не решил спасти её от полицейского беспорядка.

Он вернулся за ключом. На помосте Натан нашёл владелицу перчатки: та пришла обратно, сердито забрала вещь и спросила, когда же продолжат торги. Аукционист посмотрел на экран, потом на неё.

— Сообщим отдельно, мадам. Сегодня уже ничего не продам.

Глава 4. Два одинаковых моста

Старый каталог принесли из комнаты оценки после того, как описали его положение. Натан Хартли держал том за корешок, не позволяя сыну раскрыть на ходу. На обложке стоял 1901 год; бумага потемнела по краям, возле нескольких номеров прежний владелец отметил цены.

Уитмор попросил показать тридцать восьмой лот. Тот самый, на который ссылалось описание картины у стены.

Хартли положил книгу на стол, нашёл страницу. Название, имя Лайонела Рескотта, размеры. На первый взгляд соответствовало новому тексту. Внизу карандашом было приписано: «Г. Ф.». Ни расписки о покупке, ни подписи Грейс Фенвик рядом не оказалось.

— Вы знали, что это её приобретение? — спросил инспектор.

— Мне так сообщили при подготовке. Вещи из старого собрания, ссылка на торги. Эверетт подтвердил атрибуцию.

— Сообщил Кемп?

Натан посмотрел на сына.

— Он занимался поступлением. Но я не хочу сейчас делать вид, будто сам ничего не обязан был знать. Моё имя на каталоге.

Генри потянулся к книге, показал вклейку с репродукцией. Снимок был чёрно-белым, небольшим; различить детали всё же удавалось. Под ним напечатан номер тридцать восемь. Над рекой мост, перед ним деревья, вдали строение. Уитмор перевёл взгляд на картину у стены, затем снова на страницу.

На репродукции мост имел другой изгиб. И дерево слева разветвлялось ниже. В написанном на холсте пейзаже просвет между двумя стволами был уже, дальняя постройка смотрела в сторону иначе. Это могли быть две близкие композиции, версии, копия или что угодно, что требовало человека, разбирающегося в живописи. Но одной и той же вещью две картинки не выглядели.

Рид встал ближе к подставке. Вернулся, указал на берег: у старой картины к воде спускались ступени, у нынешней берег шёл пологой полосой.

Генри сказал, что качество печати обманчиво. Инспектор предложил не спорить о мелкой крапинке, а посмотреть на ступени. Сын Хартли замолчал. Натан попросил дать ему очки.

— Книга настоящая? — спросил Рид.

— Насколько я знаю, да, — ответил хозяин. — Не мы её печатали и не Кемп. Прежняя продажа существовала. Здесь вся коллекция, другие владельцы тоже на неё ссылались.

Том можно было сверить с другим экземпляром. Уитмор попросил пока сохранить его целиком, вместе с обложкой и пометами, не вырезать полезную страницу для удобства. Сомнение относилось прежде всего к тому, что старой книгой подтверждали сейчас. Инспектор вернулся к новой ссылке: здесь не объяснялось, почему перед ними другая композиция.

Генри раскрыл собственную папку. Пригласил Эверетта для описаний ещё в феврале. Тот прислал подписанный перечень, каталог передали печатать первого марта. После этого оценщик начал запрашивать дополнительные материалы, но указание о снятии лота Генри до сегодняшнего дня не получил.

— Утром просил убрать описание, — напомнил Уитмор.

— Утром да. Я говорю о том, что получил для печати. Если бы он заранее написал ясно, я бы не оставил.

У него дрожал подбородок, и инспектор понял, что молодой Хартли уже защищает себя от слов покойного, которые тот больше не может пояснить. Попросил сохранить и подписанный

перечень, и все последующие письма. Вопрос о том, кто виноват в небрежном описании, не требовалось решать раньше вопроса о выстреле.

Нора Венн ждала у стены. Халат сменила на пальто, но не ушла: ей сказали, что будут ещё спрашивать. При виде раскрытой репродукции подошла.

— Вот, — сказала. — Я мистеру Эверетту именно это и говорила: пусть сам посмотрит.

— Когда?

— В среду. Восьмого. Про старую книгу не знала, про надпись на обороте сказала.

Уитмор попросил объяснить надпись. Мастер ответила, что при работе видела имя и дату. «С. Дейн. 1909». На холсте с обратной стороны, не на деревянной детали рамы. Кемп сказал, могла быть помета человека, который прежде занимался картиной. Нора не взялась спорить об имени автора старого пейзажа, но вспомнила Сесилию Дейн, учительницу рисования.

— Вы сказали ей?

— Попросила зайти, посмотреть. Она работает, не может посреди уроков бросить детей и прибежать. Обещала после занятий в пятницу. Я думала, до сто сорок шестого всё равно ещё долго. А Эверетту сказала раньше. Он велел не прикасаться к буквам.

— Почему вы сами не сообщили Хартли?

Нора посмотрела на Натана. Тот ожидал ответа вместе с инспектором.

— Я говорила Кемпу. Он нанимал на раму. Я не специалист по тому, кто у какого мастера учился. Мне за укрепление угла заплатили, не за исследование надписей. Думала, Эверетт для этого и приглашён.

В ответе было не только разумное разделение работ. Она знала, что имя кажется слишком знакомым, и предпочла, чтобы неудобный разговор повёл другой. Теперь сказала это сама, с досадой на то, как легко прозвучит для человека, которому не приходилось просить оплатить счёт.

Уитмор не потребовал покаяния. Попросил показать, что именно делала с рамой и защитой. Нора назвала материалы, принесла свой счёт, объяснила, какие крепления заменяла. Не обещала определить возраст краски; ещё утром предупредила, что живопись не чистила. Натан распорядился принести достаточно света и чистую бумагу.

Генри принёс лампу и остановился возле стола, ожидая, что теперь Нора быстро разберёт раму и уйдёт. Она попросила освободить место, убрать чашку, найти две ровные подкладки. Сын Хартли поставил лампу слишком близко. Мастер отодвинула, проверила шнур, затем стала складывать инструмент на отдельном листе.

— Всё это нужно? — спросил он.

— Если уроню угол, вы меня же спросите, почему не подложила.

Натан принёс доски сам. Одна оказалась с выступающим гвоздём. Нора заметила раньше, чем он положил её на стол, остановила рукой. Хозяин перевернул, покраснел, принёс другую. На этот раз девушка не стала следить, достаточно ли почтительно он выслушивает её объяснение: принимала помощь как часть работы.

Рид попросил показать счёт поближе. Там было укрепление разошедшегося угла и замена защитного листа. Ни строки о том, чтобы чистить потемневшую воду, раскрывать старый слой или устанавливать автора. Нора принесла и маленькую записную книжку с размерами. На соседней странице жила овальная рама миссис Бентон, ещё дальше — две дешёвые рамки для фотографий. За них спорили об одном шиллинге, и спор так и остался на поле под именем заказчика.

— Мне вечно говорят: раз вы всё равно разводите клей, что вам ещё одну сделать, — сказала Нора. — Как будто время у меня только уходит на то, чтобы его развести.

Она заметила, что говорит сердито, закрыла книжку. Инспектор попросил пока оставить открытой нужную страницу: перепишут размер и дату, не весь перечень клиентов. Мастер

согласилась и вновь занялась рамой. Пальцы двигались увереннее, когда перестали требовать от них воспоминаний.

Генри спросил, может ли при ремонте измениться вид самого холста. Нора ответила, что грязь на поверхности она не трогала, воду на пейзаже светлее не делала. Снимать старую живопись ради предположений тоже не станет. Если пригласили оценщика, ему и следовало задавать вопросы до печати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.